

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ТЛЕН, ЛЮБОВЬ И НАЛОГОВАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Хоррор-комедия о любви,
вампирах и бухгалтерии

г. Мрачно
Основан в 1799 г.

НАЛОГОВАЯ
ДЕКЛАРАЦИЯ
3-НДФЛ
ПРОВЕРИТЬ

УПЛАТИТЬ
НАЛОГИ
БЕССМЕРТНЫМ

ТРЕБОВАНИЕ
ОБ УПЛАТЕ

ПЕНИ

ПОСЛЕ 100 ЛЕТ
ПЕНЯ УДВАИВАЕТСЯ

ВЛАДЛЕН
III
БЕССМЕРТНЫЙ
ГРАФ
НЕ ПЛАТИТ,
НО ДОЛЖЕН

СЧЁТ
ЗА ГРОБ
ОПЛАЧЕНО

КНИГА УЧЁТА
ГРОБОВ
И РАСХОДОВ

ЧЕК
ГРОБ-ЛЮКС
1 шт.
3999 р.
ВАМПИРСКАЯ
СКИДКА 0%

Ярослав Северцев

**Тлен, Любовь и
Налоговая Декларация**

«Автор»

2026

Северцев Я.

Тлен, Любовь и Налоговая Декларация / Я. Северцев — «Автор», 2026

В свои двадцать пять Агата точно знала две вещи: дебет должен сходиться с кредитом, а мужчины — это лишние расходы. Но когда фирма её отправила на аудит в старинный замок на окраине Сызрани, всё пошло прахом.

Оказалось, новый клиент Владлен — не просто эксцентричный затворник в бархатном халате, выходящий на улицу только после заката и выглядевший подозрительно молодо для мужчины за пятьдесят» у которого накопился долг по налогам за три века. Между ними вспыхивает искра, ведь ничто так не сближает, как общая ненависть к бюрократии. Сможет ли Агата списать его расходы на гробы как «производственную необходимость»? Поймет ли Владлен, что её холодное сердце опаснее любого осинового кола? Вас ждут: ночные допросы, укусы за балансовую стоимость, романтика в пыльных архивах и страсть, которая сильнее, чем пеня за просрочку

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ярослав Северцев

Тлен, Любовь и Налоговая Декларация

Глава 1

Пролог. Черная плесень и форма 2

Автобус ПАЗ, сгнивший еще при Хрущеве, всю дорогу от железнодорожной станции тряс Агату на прожженном дерматиновом сиденье. Изо рта шёл густой пар — отопление в салоне не работало, и редкие пассажиры дышали на стёкла, процарапывая ногтями маленькие кружки в инее. Октябрь в этом году выдался гнилым, колючим. Накрапывал мелкий дождь пополам со снежной крупой, и небо над Самарской областью напоминало брюхо старой рыбы, вымазанное золой.

Водитель высадил её у глухой ракиты на повороте. Он даже не заглушил мотор — просто сплюнул в приоткрытую дверь струю табачной слюны, махнул рукой в сторону заросшей бурьяном просеки и нажал на газ, оставив Агату в сизом солярочном дыму.

Дорога к усадьбе давно перестала быть дорогой. Это было месиво из жирной, черной глины, в которой вязли каблукы её строгих осенних туфель. Вокруг стоял мертвый, серый лес. Деревья казались обугленными, с их голых сучьев клочьями свисал грязно-зеленый мох. Воздух был тяжелым, неподвижным и пах гнилой хвоей, мокрой землей и близким, замерзающим болотом. Ни птиц, ни бродячих собак — только свист ветра в кронах и хлопанье грязи под подошвой.

Минут через двадцать между деревьями показался замок. Он не имел ничего общего с нарядными картинками из путеводителей. Это была громадная, мрачная махина из серого ракушечника, стоявшая на вершине голого холма. Время и сырость превратили камень в подобие старой кости — стены пошли глубокими черными трещинами, из которых сочилась ржавая влага. Из водосточной трубы, скрученной петлей, торчал огромный куст сухой лебеды. Окна первого этажа были заколочены серыми досками, а верхние этажи смотрели на мир темными, пустыми глазницами разбитых стекол. Никаких ворот — только два гранитных столба, на одном из которых сидела жирная, безглазая ворона, растерзанная каким-то мелким хищником. На крыльце пахло тухлой капустой, мокрой псиной и почему-то дорогим, но застарелым одеколоном.

Агата поднялась по скользким каменным ступеням, поправила на переносице очки и трижды ударила кулаком в тяжелую дубовую дверь. Изнутри донесся долгий, глухой скрежет засова.

Дверь отворилась. На пороге стоял граф Владлен.

И он не был стариком.

Агата, повидавшая на своем веку сотни директоров поволжских предприятий, на секунду замерла. Мужчина, стоявший перед ней, обладал той пугающей, породистой красотой, какая бывает на старинных портретах в закрытых музеях. Он был высок, широкоплеч и прям, как гвардейский офицер на параде. Его лицо казалось высеченным из цельного куска белого мрамора — идеальные скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой и тяжелый, волевой подбородок. Длинные, иссиня-черные волосы были небрежно зачесаны назад, открывая высокий лоб.

Но эта красота была мертвой и истощенной. Кожа графа имела синеватый, почти прозрачный отлив, под глазами залегли глубокие угольные тени, а губы были сухими и бледными. На нем был надет старинный, явно сшитый на заказ черный сюртук с серебряным шитьем по вороту, но этот сюртук висел на его широких плечах, как на вешалке — граф был страшно,

болезненно худ. От многолетнего голода его ребра проступали сквозь тонкую ткань шелковой сорочки, а пальцы с длинными, острыми ногтями казались выточенными из слоновой кости.

— Заходите, — его голос прозвучал низко, бархатно, но в нем слышался странный сухой шелест, будто внутри горла перекатывались сухие осенние листья. Он не смотрел ей в глаза, взгляд его длинных ресниц был устремлен куда-то в район её шеи. — Нам налево. Там стол почище.

Они прошли в бывшую бальную залу, превращенную в подобие конторы. На полу лежал старый советский линолеум, вздувшийся пузырями. Посреди огромной комнаты с лепниной на потолке стоял тяжелый канцелярский стол, обтянутый зеленым сукном, которое местами прожгли сигаретами. Из мебели были еще два стула с вываливающимся поролоном и железный сейф, запертый на амбарный замок.

Агата достала из брезентовой сумки ноутбук. Батарея держала плохо, шнур питания был перемотан синей изолентой у самого основания. Она воткнула вилку в розетку, которая жалобно затрещала и выдала искру. Владлен даже не вздрогнул. Он сел напротив, изящно скрестив длинные ноги.

— Давайте сразу проясним ситуацию, Владлен Эдуардович, — Агата открыла базу 1С, которая грузилась мучительно долго, шумя старым вентилятором. — Я здесь по договору субподряда. Моя задача — свести баланс вашей конторы за последние пять лет. То, что вы называете «родовым гнездом», по документам числится как пилорама закрытого типа. Но у вас по отчетам нет ни кубометра закупленного кругляка, ни одного работающего станка. Зато в штате числятся тринадцать человек. Все оформлены на полставки, у всех минималка, и ни один из них ни разу не пришел за зарплатой в кассу. Где подписи в ведомостях?

Граф медленно постучал длинными ногтями по столу. Звук был сухим, как треск сучьев.

— Они не берут деньгами, — тихо произнес он, и в его бледных глазах на секунду мелькнул холодный блеск. — Им не нужно.

— А чем они берут? — Агата подняла глаза. На переносице у нее остался красный след от дешевой оправы. — Продуктами? Если это натуральный обмен, то где акты приема-передачи? Где налог на доходы физических лиц? Вы понимаете, что налоговая инспекция заблокирует ваши счета к чертовой матери уже в следующую пятницу?

Владлен медленно наклонился вперед. От него резко пахло сырым фаршем, дорогим табаком и нашатырем. Его глаза, до этого казавшиеся серыми, вдруг начали наливаться темной, густой жидкостью, похожей на мазут. Радужка исчезла, остались только два черных, бездонных провала. Верхняя губа дернулась вверх, обнажая зубы. Они были белоснежными, частыми и острыми, как у хищной рыбы, а правый клык был длиннее остальных и заметно потемнел у десны.

— Вы не понимаете, с кем разговариваете, девочка, — прошелестел он, и этот звук пошел словно не из рта, а из-под пола, из самой глубины подвальных плит. — Те, кто приходят сюда с вопросами, обычно не возвращаются на станцию. За этой стеной лежат кости трех исправников, двух комиссаров и одного уполномоченного по заготовкам хлеба. Хочешь быть следующей?

В углу комнаты, за старым шкафом, что-то тяжело заворочалось. Из темноты донеслось глухое, сытое чавканье. По стене поползла жирная, влажная многоножка, оставляя мокрый след на обоях.

В этот момент единственная тусклая лампа под потолком коротко мигнула, затрещала и полностью погасла. Залу мгновенно забила плотная, глухая темнота. Стены старого дома задрожали. Из углов раздался утробный, нечеловеческий рык — Владлен окончательно перестал сдерживать голод. Тяжелые дубовые половицы закрипели под его весом, когда он медленно поднялся со стула, превращаясь в громоздкую, сутулую тень, готовую к прыжку.

Агата даже не шелохнулась. На ощупь, совершенно безэмоционально, она запустила руку в брезентовую сумку, нащупала тяжелый повербанк, с тихим щелчком воткнула туда короткий белый провод и включила встроенный светодиодный фонарик.

Холодный, синюшный луч китайского диода ударил вампиру прямо в расширенные черные зрачки. Владлен, согнувшийся в охотничьем прыжке прямо над столом, ослепленно зажмурился, зашипел и закрыл лицо предплечьем, обнажив шелковую подкладку дорогого сюртука.

— Владлен Эдуардович, прекратите рычать и сядьте на место, — ровным, бесцветным голосом произнесла Агата, направляя свет ему прямо в переносицу. — Этот трюк с отключением электричества мне устраивали в каждом районном отделении ЖЭКа, когда теряли мои заявления на перерасчет. Клыки свои убираем, берем гелевую ручку и пишем объяснительную. Почему в графе «расходы на содержание штата» у вас написано: «кобыла для вурдалака — одна штука». Где товарная накладная? Где кассовый чек из совхоза? И заставьте вашего сотрудника в углу перестать чавкать, это нарушает санитарные нормы рабочего места.

Вампир замер. Его челюсть осталась приоткрытой. Чернота в глазах на секунду заколебалась, возвращая холодный серый зрачок. Монстр медленно втянул клыки обратно в десны. На нижней губе осталась маленькая красная капля. Он посмотрел на чистый лист бумаги, потом на дешевую шариковую ручку с треснувшим колпачком. Его плечи опустились, и он снова стал казаться болезненно худым и уставшим.

— У меня чернила засохли, — тихо сказал он, возвращаясь на промятый поролоновый стул.

— Возьмите мою, — Агата пододвинула ему свою ручку. — И пишите разборчиво. У меня зрение слабое, я ваши каракули до ночи разбирать не буду.

За шкафом тихо пискнула мышь. Древнее зло усадьбы вздохнуло, поправило воротник сюртука и начало писать, скрипя пером по дешевой бумаге. Агата открыла новую вкладку в 1С. Работа только начиналась.

Глава 2

Глава 1. Синие макароны и радикальная стоматология

Часы на кирпичной стене бальной залы показывали без пяти восемь вечера, когда ноутбук Агаты издал прощальный писк и погас. Экран стал мёртвым и чёрным.

— Владлен Эдуардович, у вас розетка сдохла, — Агата дёрнула шнур питания, перемотанный синей изолентой. — Напряжение упало. База данных закрылась без сохранения оборотного сальдо за четырнадцатый год. Где у вас распределительный щиток?

Граф, сидевший напротив со скрещенными ногами, меланхолично повёл бледным плечом: — В подвале. Но туда лучше не ходить. Там со времён правления Царя батюшки никто не прибирался. И проводка она помнит ещё лампочки Ильича. Буквально.

Агата со стуком закрыла крышку ноутбука, поднялась со стула и начала методично складывать бумаги в брезентовую сумку.

— Ладно. На сегодня закончим. Вызову такси до гостиницы в райцентре, а завтра утром вернусь с тестером. Напишите мне адрес усадьбы для оператора.

Владлен впервые за вечер горько и очень породисто усмехнулся. Его идеальные мраморные скулы дрогнули. — Такси? Сюда? Агата, вы видели ту просеку, по которой пришли? Местные водители не поедут сюда даже под дулом обреза. А единственный ПАЗик до Сызрани ушёл в семнадцать сорок. Следующий будет завтра в полдень. Если, конечно, мост через Крымзу окончательно не размыло октябрьским ливнем.

Агата замерла с занесённой над сумкой рукой. Она поправила очки и посмотрела в окно. За разбитыми стёклами верхних этажей выла буря. Крупные капли дождя со снегом с размаху бились о серый ракушечник стен. Лезть в эту ледяную черную жижу пешком три километра до трассы, имея в кармане только служебное удостоверение и триста рублей суточных, было верным способом получить двухнедельный больничный. А больничные в конторе Антонины Петровны приравнивались к измене родине.

— Логично, — хладнокровно констатировала Агата. — Нецелевое расходование здоровья в личное время не входит в мои планы. Придётся остаться. Оформите мне гостевую комнату. И учтите: командировочные расходы за проживание я впишу в счёт вашей пилорамы.

Ей выделили спальню на втором этаже. Комната оказалась огромной, ледяной и пахла нафталином пополам с порошком. Простыни на кровати были такими влажными, будто их только что вытащили из болота, но внутренний стержень аудитора не позволил ей раскиснуть. Перед сном она лишь проверила, надёжно ли заперта дверь на кованый засов, и мгновенно заснула под завывание ветра.

Солнце вставало над Сызранью неохотно, словно ему тоже урезали оклад. Луч света пробился сквозь засиженное мухами окно гостевой спальни и упал на лицо Агаты. Она спала не раздеваясь, прямо в своём сером шерстяном костюме, укрывшись старым суконным пальто, которое обнаружила в дубовом шкафу. Пальто пахло нафталином и почему-то порошком, но выбирать не приходилось.

Агата села на кровати, поправила растрёпанный пучок волос, водрузила очки на переносицу и посмотрела на часы. Семь утра. Пора сводить оборотное сальдо.

Спустившись по скрипучим половицам на кухню, Агата застала Владлена у плиты. Зрелище было монументальным. Древний, убийственно красивый вампир, натянув поверх роскошного, но побитого молью сюртука фартук с выцветшей надписью «Привет из Анапы-2004», пытался зажечь газовую горелку с помощью отсыревших спичек. От него резко разило мятной пастой «Лесной бальзам» — видимо, он принял к сведению её ночные замечания по поводу запаха.

— Доброе утро, — бархатно выдавил он, не оборачиваясь. — Я тут завтрак организовал. Гости у меня редкое явление. Обычно все уходит через окно ещё до полуночи. Пешком по грязи.

На засаленном кухонном столе стояла шербатая тарелка. На ней высилась сероватая горка макарон странного сизого оттенка. Рядом лежала жестяная банка без этикетки, вскрытая топорным способом — края железа торчали рваными зубьями наружу.

— Это макароны «Экстра», выпуск 1992 года, — с лёгкой гордостью сообщил граф, наконец совладав со спичкой. — Из старых запасов райпотребсоюза. А в банке — тушёнка. Написано «Говядина особая», но картинка стерлась. Пахнет терпимо.

Агата подошла ближе, брезгливо ткнула вилкой в сизую массу. Макароны слиплись в единый монолитный кусок, напоминающий деталь от трактора.

— Владлен Эдуардович, у этой говядины срок годности закончился до того, как я пошла в первый класс, — Агата вежливо отодвинула тарелку обратно. — Боюсь, я вынуждена отказаться. Мой желудок, разумеется, закалён привокзальным общепитом города Кинель, но рисковать рабочим временем я не вправе. Скажите, пожалуйста, куда делись кондиционные продукты?

Граф дернул плечом. Вдруг он глухо застонал и судорожно схватился рукой за правую щеку. Его идеальное лицо, напоминающее скульптуру эпохи Ренессанса, перекошилось от острой боли. Из-под верхней губы непроизвольно высунулся клык — длинный, потемневший у основания и явно качающийся.

— Что с вами? — тихо спросила Агата.

— Клык — просипел вампир, оседая на колченогий табурет. — Третий век ноет. Похоже, кариес. Или пульпит. Я вчера, когда на вас рычал, челюсть резко сжал и, кажется, трещина пошла. Силы ада, как же дёргает

— Позвольте, я взгляну.

Агата подошла ближе, деликатно взяла его за подбородок двумя пальцами и повернула к свету. Кожа графа на ощупь была холодной, как кафель в процедурном кабинете. Под её пальцами его шея вдруг крупно вздрогнула. Владлен уставился на неё своими серыми глазами, в которых на долю секунды промелькнуло что-то похожее на панику. Смертные женщины обычно не хватали его за лицо. Они вообще старались не дышать в его присутствии. А эта госслужащая держала мягко, но с непоколебимой, стальной уверенностью.

— Приоткройте рот, будьте любезны.

Вампир послушно повиновался. Левый клык был идеальным, острым и белым, а вот правый — темным, воспаленным у самой десны, из которой сочилась густая сукровица.

— Картина ясна, — констатировала она, отпуская его подбородок. — Налицо глубокая деструкция тканей. Орган полностью утратил свою функциональную ценность и подлежит немедленному списанию. В Самаре государственная стоматология закрыта на переучет, а в частную клинику без паспорта и СНИЛСа вас не оформят. Придётся провести радикальную оптимизацию активов своими силами.

Агата вернулась к своей брезентовой сумке. Порывшись на дне среди папок, запасных аккумуляторов и пачек скрепок, она извлекла тяжелые слесарные пассатижи с синими изолированными ручками.

Владлен, увидев кусок тяжелого металла в её руке, попытался сползти с табурета. В его глазах снова начала разливаться черная мазутная тьма.

— Владлен Эдуардович, — Агата изящно подняла пассатижи на уровень его глаз. Голос её оставался тихим, интеллигентным и прохладным. — Пожалуйста, избавьте нас обоих от этих архаичных спецэффектов. У меня жёсткий тайминг. Мне необходимо до полудня загрузить ведомости по амортизации вашего недостроя, а ваше недомогание существенно снижает

общую производительность труда. Сядьте ровно, пожалуйста. Руки опустите. И откройте рот чуть шире.

Древнее зло почему-то сжалось. Чернота из глаз ушла, уступив место искреннему испугу. Он замер, вцепившись когтями в края табуретки.

— Будет больно? — тихо спросил он.

— Истинная боль — это когда налоговая накладывает арест на счета за неуплату налога на прибыль, — мягко пояснила Агата. — А это просто незначительные издержки производства. Постарайтесь не издавать громких звуков.

Она аккуратно перекинула подол серого жакета через плечо, чтобы не испачкать ткань, зафиксировала голову графа левой рукой, мягко, но крепко упершись локтем ему в широкое плечо, а правой ввела пассатижи в его рот. Инструмент плотно обхватил поврежденную кость. Агата коротко, профессионально выдохнула и плавно, без суеты, крутанула кистью по часовой стрелке, одновременно потянув на себя.

Раздался сухой, сочный хруст.

Владлен не закричал — только глухо хрюкнул носом и выпрямился струной. Агата изящно отшагнула назад, держа в пассатижах длинный корень с гнилой верхушкой. Из десны вампира брызнула темная, почти черная кровь. Несколько капель попали на безупречно чистый белый воротничок её блузки.

— Какая досада, — Агата слегка нахмурилась, глядя на пятно. — Спецдежда испорчена. Возьмите, пожалуйста.

Она протянула ему чистую серую вафельную тряпку. Граф судорожно прижал её к щеке. Его грудь тяжело вздымалась. Он смотрел на Агату снизу вверх, и в этом взгляде был дикий шок пополам с зарождающимся, глубоким уважением.

Через минуту кровотечение остановилось — вампирская регенерация сделала свое дело. Владлен осторожно потрогал языком пустое место в десне. Боль, мучившая его последние восемьдесят лет, исчезла. На ее месте осталось только приятное, онемевшее тепло.

— Спасибо — искренне прошептал он, и его голос вдруг прозвучал чище, потеряв остатки сухого шелеста. — Вы поразительная женщина, Агата. Фрейлины императрицы в девятнадцатом веке падали в обморок от одного вида моей тени. А вы

— А я не фрейлина, я старший специалист по аудиту, — Агата методично протерла инструмент влажной салфеткой и убрала его обратно в сумку. — В нашей должностной инструкции сентиментальность не предусмотрена. Итак, физический дефект устранён, следовательно, уважительные причины для срыва сроков исчерпаны. Макароны мы утилизируем. Сейчас я выпью растворимый кофе, и мы вернемся к первичной документации. Нам необходимо выяснить, на каком основании на вашу личную карту ежемесячно поступают сорок тысяч рублей, если официального дохода у пилорамы нет.

Владлен медленно поднялся с табурета. Без постоянной боли он выпрямился во весь рост, оказавшись выше Агаты почти на две головы. Старинный сюртук натянулся на его сухой, мощной груди, явив великолепную, истинно аристократическую осанку. Взгляд серых глаз стал глубоким, острым и хищным. В нём больше не было жалкости — только жгучий интерес к этой удивительной гостье.

— Это долг, — тихо сказал он, глядя на неё сверху вниз. — Старый долг одного человека, который я получаю переводом на почте.

— Вот с этого долга мы и начнем, — Агата плавно открыла крышку ноутбука. — Оформим его как внебюджетный доход. Напишите, пожалуйста, объяснительную, Владлен Эдуардович. И не смотрите на меня с таким благоговением, это отвлекает от цифр. Приступайте.

Глава 3

Глава 2. Целевой заём и сызранские вышибалы

К одиннадцати часам утра лицо Владлена Эдуардовича стало приобретать зловещий пепельный оттенок. Регенерация, столь стремительно затянувшая лунку от удалённого клыка, потребовала колоссального количества калорий. Граф сидел над пачкой накладных за 2019 год, но его длинные пальцы заметно дрожали, а в глубине серых глаз снова начали сгущаться мазутные, голодные тени.

Агата, методично вбивавшая данные в таблицу, краем глаза заметила это изменение.

— Владлен Эдуардович, ваш внешний вид не внушает мне доверия, — негромко произнесла она, не отрываясь от клавиатуры. — Коэффициент вашей концентрации упал до критической отметки. Вы пропустили три штампа ОТК. Вам необходимо принять пищу.

— Кровь — прошелестел граф, и его красивое лицо свело короткой судорогой. — Мне нужна кровь, Агата. Свежая. Иначе я перестану различать строки в ваших ведомостях. И начну оценивать параметры вашей сонной артерии. А мне бы этого крайне не хотелось. Вы мне дороги как специалист.

Агата плавно повернула к нему голову, сохраняя абсолютное изящество и ледяной покой. — Моя сонная артерия находится на балансе государства, и её повреждение повлечёт за собой уголовную ответственность по статье 105 УК РФ. Это нерентабельно. Где вы обычно приобретаете данный специфический ресурс?

— Раньше в совхозе был забойный цех, — слабо улыбнулся Владлен, откидываясь на спинку стула. — Но три года назад его закрыли за нерентабельность. Ближайший пункт, где можно легально достать медицинские препараты или донорские излишки — это центральная районная больница в Сызрани. Но у меня нет денег. Карту, на которую приходят сорок тысяч, заблокировал банк за отсутствие актуальных паспортных данных.

Агата на секунду задумалась. Затем аккуратно закрыла ноутбук и убрала его в брезентовую сумку. — Ситуация критическая, но разрешимая. Мы оформим это как краткосрочный целевой заём под обеспечение. Я оплачу ваши транспортные расходы и насущные потребности из личных средств. Вернёте с процентами, когда мы разблокируем ваш счёт. Собирайтесь. Автобус до города будет через сорок минут.

Поездка на ПАЗике, сгнившем ещё при Хрущёве, далась графу нелегко. Владлен, забившись в самый угол заднего сиденья, старался не дышать, чтобы не чувствовать запах перегара и дешёвого парфюма от местных дачников. Агата сидела рядом, безупречно прямая, интеллигентная и холодная, как фарфоровая статуэтка.

В Сызрань они прибыли к полудню. Привокзальная площадь встретила их серой жижей под ногами, запахом чебуреков и хмурыми фигурами у табачного киоска.

До больницы они дойти не успели. Прямо у выхода с платформы им преградили дорогу двое. Это были классические представители местного теневого сектора экономики: широкие спортивные куртки, кожаные кепки и тяжёлые, не отмеченные интеллектом лица. Один из них, с золотым зубом и шрамом на переносице, пристально посмотрел на Владлена, а затем перевёл взгляд на Агату.

— Опачки, — ухмыльнулся золотозубый, преграждая дорогу. — Какая встреча. Граф Эдуардович, если не ошибаюсь? А мы как раз к вам в усадьбу собирались на днях. Нам пацаны из агентства «Вектор-М» привет передали. Сказали, у тебя должок перед конторой образовался. Три миллиона рублей по микрозаймам.

Владлен медленно выпрямился. Его сутулость исчезла, плечи развернулись, а в глазах снова начала закипать глухая, древняя тьма. Его клыки удлиннились, готовые прорезать блед-

ную губу. Древний аристократ, оскорбленный дерзостью смертных, сделал шаг вперед, намереваясь просто оторвать вымогателю голову прямо под вывеской «Союзпечать».

— Назад, — тихо, но с железной интонацией произнесла Агата, плавно выставляя вперед руку в шерстяной перчатке и преграждая графу путь. — Владлен Эдуардович, не создавайте прецедент. Физическое устранение контрагентов в общественном месте — это грубое нарушение общественного порядка и за него предусмотрена ответственность в уголовного кодекса. Оставьте это мне.

Она повернулась к бандитам, поправила очки и посмотрела на золотозубого с тем утончённым, леденящим презрением, с каким смотрят на нерадивого стажёра, перепутавшего дебет с кредитом.

— Молодой человек, — её голос прозвучал чисто, интеллигентно и абсолютно безбоязненно. — Назовите, пожалуйста, полные реквизиты вашего юридического лица. Какое именно подразделение агентства «Вектор-М» вы представляете? На основании какого договора цессии вы требуете данную сумму? И, главное, предъявите акт сверки взаимных расчетов, подписанный обеими сторонами.

Коллекторы на секунду опешили. Золотозубый нахмурился, переглянулся со своим напарником и сплюнул под ноги.

— Слышь, шалава умная, ты чё несёшь? — процедил он, делая шаг к Агате. — Какие акты? Какие реквизиты? Дед бабки торчит конкретным людям. Либо он отдаёт замок под снос, либо мы его прямо тут

Он не успел договорить. Агата, не меняя выражения лица, плавно запустила руку в свою бездонную брезентовую сумку, нащупала там тяжелые слесарные пассатижи с синими изолированными ручками и аккуратно выставила их вперед, держа на уровне глаз золотозубого. Металл зловеще блеснул на октябрьском солнце. Пятно вампирской крови на её белом воротничке завершало образ.

— Молодой человек, — тихо, с изысканной полуулыбкой произнесла Агата, глядя ему прямо в зрачки. — Из зафиксированных мною нарушений с вашей стороны: статья 163 УК РФ — вымогательство группой лиц по предварительному сговору. Плюс отсутствие лицензии на осуществление коллекторской деятельности. Если вы сейчас же не освободите проход, я проведу принудительный аудит вашего челюстно-лицевого аппарата без применения анестезии. Опыт радикальной стоматологии у меня, как вы можете заметить по моему воротничку, имеется. Инструмент продезинфицирован. Вопросы есть?

Бандит посмотрел на пассатижи. Затем на её абсолютно холодные, немигающие глаза за линзами очков. Затем на темные пятна крови на воротнике этой безумной женщины в сером костюме. Из-за её спины в этот момент на него смотрел двухметровый, бледный как смерть Владлен, чьи глаза стали полностью черными, а из-под губы явственно торчал острый белый клык.

— Психи — невнятно пробормотал золотозубый, пятясь назад. — Колян, пошли ну его нафиг. Они упоротые какие-то.

Через секунду оба коллектора быстрым шагом скрылись за углом чебуречной.

Агата аккуратно убрала пассатижи обратно в сумку, достала влажную салфетку и промокнула пальцы. Затем повернулась к Владлену, чей демонический облик стремительно сменялся глубоким, почти религиозным благоговением.

— Владлен Эдуардович, клыки, пожалуйста, верните в исходное положение, — галантно попросила она. — Мы урегулировали данный вопрос в досудебном порядке. А теперь поспешим в больницу. Мне необходимо оформить ваш заём, пока не закрылся пункт приема платежей. Дисциплина — залог успешного баланса. Идёмте.

Граф покорно пошёл за ней, окончательно осознав: древние проклятия и силы тьмы — ничто по сравнению со старшим аудитором Самарской области.

Глава 4

Глава 3. Целевой вклад и бахилы преисподней

Здание сызранской центральной районной больницы встретило их густым, удушливым запахом хлора, варёной капусты и застарелого кашля. На полу из серой мраморной крошки блестели грязные лужи — на улице разгулялся настоящий ливень. Владлен, чьё лицо к этому моменту приобрело благородный оттенок сырого гипса, шёл на полшага позади Агаты, стараясь не задевать плечами проходящих мимо бледных граждан в байковых халатах. Его серые глаза лихорадочно поблёскивали.

— Агата, — негромко, на одной октаве прошелестел граф, наклонившись к её уху. — Этот воздух Он буквально пропитан чужими страданиями и дефицитом бюджета. Мне становится не по себе. Даже в казематах Петропавловской крепости атмосфера была более гостеприимной.

— Это специфика муниципальных учреждений здравоохранения, Владлен Эдуардович, — отозвалась Агата, плавно огибая каталку с какими-то матрасами. — Здесь аккумулируется экзистенциальный кризис всего района. Сосредоточьтесь на конечной цели нашего визита.

Они подошли к застеклённому окну регистратуры. За стеклом сидела массивная женщина со сложной фиолетовой причёской, на лице которой читалось абсолютное, выдержанное годами нежелание общаться со смертными.

— Добрый день, — Агата наклонилась к переговорному отверстию, её голос прозвучал безупречно вежливо и прозрачно. — Нам необходима экстренная консультация заведующего отделением переливания крови. Будьте любезны, подскажите номер кабинета.

Фиолетовая причёска медленно повернулась. Женщина окинула Агату тяжёлым взглядом, задержалась на пятнах крови на её воротничке, затем перевела глаза на двухметрового бледного Владлена в старинном сюртуке.

— Полис? Паспорт? — отрывисто, как автомат, выплюнула регистратор.

— Мои документы в полном порядке, — Агата плавно извлекла из сумочки паспорт в прозрачной обложке. — Однако у моего коллеги, гражданина Владлена Эдуардовича, документы в данный момент находятся на процедуре переоформления в связи со сменой эпохи прошу прощения, в связи с утерей в архивах. Но мы готовы выступить в качестве доноров. Точнее, донором буду я. Мы хотели бы оформить целевое отчуждение моих биологических ресурсов в пользу данного джентльмена на условиях договора краткосрочного займа.

Регистраторша замерла. Её мозг, привыкший к фразам вроде «мне только спросить» или «у меня талончик на десять», явно дал сбой на слове «отчуждение». Она открыла рот, закрыла его, а затем молча ткнула толстым пальцем в сторону коридора: — Третий этаж. По лестнице направо. Кабинет триста двенадцать. Сначала бахилы наденьте, ироды. Вон автомат стоит.

Агата поблагодарила её кивком головы и повернулась к железному ящику с надписью «Бахилы — 10 рублей». Извлекла из кошелька монету, опустила в прорезь и повернула ручку. На ладонь выпала синяя пластиковая капсула. Повторила операцию.

— Владлен Эдуардович, — Агата протянула графу два синих целлофановых мешочка. — Наденьте, пожалуйста, на вашу обувь. Нарушение санитарно-эпидемиологического режима повлечёт за собой досрочное расторжение нашей миссии.

Граф с глубоким недоумением взял шуршащий пластик. Длинными, изящными пальцами он покрутил бахилы перед носом, словно это был артефакт неизвестной цивилизации. — Что это? Древний обряд смирения?

— Это требования СанПиНа, — мягко пояснила Агата, ловко натягивая синий пластик на свои туфли. — Потропитесь.

Владлен вздохнул, опёрся рукой о холодную побелённую стену (отчего со стены тут же посыпалась крупная штукатурка) и с явным трудом натянул колыхающийся целлофан на свои огромные кожаные сапоги ручной работы. С этого момента его готическое величие дало глубокую трещину: грозный бессмертный хищник при каждом шаге издавал дикий, дешёвый шуршащий звук, похожий на шелест пакета из супермаркета.

На третьем этаже у кабинета 312 их встретила тишина и массивная фигура в белом халате, стоявшая у окна с кружкой чая. Это был доктор Савельев — пожилой, усталый мужчина с мешками под глазами и руками хирурга.

— Слушаю вас, — доктор повернулся, отхлебнул чаю и прищурился на странную пару.

— Доктор, добрый день, — Агата сделала шаг вперед, шурша бахилами. — Ситуация требует вашего профессионального и, если позволите, конфиденциального участия. Моему спутнику диагностировано острое дефицитное состояние. Анемия тяжелой степени, сопряжённая с метаболическим кризисом. Ему критически необходим препарат цельной крови. Группа первая, резус положительный. Учитывая отсутствие у него страхового полиса, я предлагаю следующую схему: я сдаю четыреста пятьдесят миллилитров своей крови в ваш фонд, а вы выдаёте аналогичный объём из ваших запасов для немедленного перорального приёма.

Доктор Савельев медленно поставил кружку на подоконник. Он внимательно посмотрел на Агату, затем подошёл к Владлену. Взял графа за запястье. Глаза доктора округлились — пульса у пациента не было вообще. Кожа напоминала лёд. Савельев посветил маленьким фонариком Владлену в глаза — зрачки графа сузились, но чернота на дне осталась. Доктор нажал пальцем на его десну, где сиротливо белел один-единственный левый клык.

— Так — тихо сказал врач, отступая на шаг. Он потёр переносицу и перевёл взгляд на Агату. — Милочка, я в этой больнице работаю с тридцать седьмого съезда КПСС. Я видел белую горячку всех мастей, видел цыганские фокусы и даже одного депутата, который утверждал, что он дельфин. Но вурдалаков из Самары мне ещё не привозили. Вы понимаете, о чём вы просите, это

— Это называется встречным исполнением обязательств в рамках договора мены, — интеллигентно перебила его Агата, поправляя очки. — Доктор, мы ведь с вами взрослые, занятые люди. У вас горит план по сдаче донорской крови за третий квартал — я видела статистику на стенде первого этажа, у вас недобор семнадцать процентов. У меня горит балансовый отчёт пилорамы. Если мой клиент сейчас упадёт в голодный обморок, пострадает экономика региона. Давайте оформим это как благотворительный взнос от физического лица. Четыреста пятьдесят миллилитров моей безупречной, чистой крови в обмен на одну пластиковую упаковку списанного или подлежащего утилизации эритроцитарного раствора. Все будут в плюсе. И никакого криминала.

Савельев молчал около минуты. В коридоре шуршал бахилами проходящий мимо интерн. Наконец, доктор тяжело вздохнул и открыл дверь кабинета.

— Проходите, эффективные вы мои. Девушка — на кушетку, оголяйте вену. А вы, граф Дракула сызранского уезда, сидите на стуле ровно и руками ничего не трогайте. У меня там спирт медицинский, не дай бог разобьёте.

Агата спокойно прошла к медицинскому креслу, аккуратно сняла серый жакет, аккуратно повесила его на спинку стула и закатала рукав блузки. Её рука была тонкой, бледной, с чётко очерченными синими жилками.

Владлен сел на край кушетки. Его шуршащие бахилы нелепо торчали в стороны. Он смотрел на Агату с таким выражением лица, будто она восходила на эшафот ради спасения его королевства. В его серых глазах заблестели настоящие, живые слезы.

— Агата — хрипло произнёс он, подавшись вперед. — Вы отдаёте мне свою жизненную силу. Это это самый благородный оммаж, который я видел за последние триста лет. Моя честь обязывает меня

— Владлен Эдуардович, не драматизируйте, — прохладно отозвалась она, пока доктор затягивал жгут на её плече. — Это не оммаж. Это стандартное инвестирование в производственный актив. Я рассчитываю на полную отдачу с вашей стороны при разборе документов за шестнадцатый год. Доктор, работайте. Я не боюсь игл, я видела выездные проверки трудовой инспекции.

Игла вошла в вену. Темно-бордовая, густая кровь Агаты побежала по пластиковой трубке в прозрачный пакет. Владлен заворожённо смотрел на этот процесс, сжимая кулаки так, что когти с хрустом пробивали обивку стула. Он впервые понял, что эта холодная, интеллигентная женщина в очках — самое опасное и самое прекрасное существо, которое он когда-либо встречал. И ради неё он готов выучить не то что 1С, но и весь налоговый кодекс наизусть.

Глава 5

Глава 4. Трапеза в ординаторской и пожарный надзор

Доктор Савельев запер дверь ординаторской на задвижку, повернулся к гостям и тяжело вздохнул, потирая натруженную шею. Кабинет врача напоминал склад макулатуры и старой мебели: у стены стоял продавленный диван, обитый потрескавшимся дерматином, на столе высилась стопка историй болезни, а из-под шкафа торчал выдавший виды электрический чайник с облупившейся эмалью.

— Так, товарищи проверяющие, — негромко сказал Савельев, извлекая из небольшого переносного медицинского холодильника плоский пластиковый пакет с темно-рубиновой жидкостью. — Здесь ровно четыреста пятьдесят кубиков. Первая группа, резус положительный. Всё честно, как в аптеке. Но упаси вас бог употреблять это в коридоре. Если старшая медсестра Тамара Степановна увидит, что в её отделении кто-то пьёт из гемакона без назначения врача, она нас всех троих сдаст на опыты в Самару. Быстро делайте свои дела, и чтобы через пять минут духу вашего здесь не было.

— Благодарю вас, доктор, — Агата, сидевшая на стуле с аккуратно наложенной на локтевой сгиб спиртовой повязкой, галантно склонила голову. Её лицо слегка побледнело после процедуры, но осанка оставалась безупречно прямой. — Ваша лояльность будет учтена при формировании сводного отчёта о социальной ответственности бизнеса в данном регионе. Владлен Эдуардович, приступайте. Это ваш целевой транш.

Граф взял пакет длинными, заметно дрожащими пальцами. Его бледные губы слегка приоткрылись. Породистое лицо свела судорога такого глубокого, первобытного голода, что даже выдавший виды доктор Савельев инстинктивно перекрестился и отошёл поближе к окну, на всякий случай нащупав рукой тяжелую металлическую линейку.

Владлен аккуратно прокусил пластиковый край трубки.

Первый же глоток кондиционной, чистой донорской крови подействовал на древнего вампира как мощнейший разряд электрического тока. Его тело судорожно выпрямился струной, шуршащие синие бахилы со скрипом натянулись на кожаных сапогах. Пластиковый пакет в его руках стремительно худел.

И прямо на глазах у изумленного доктора и совершенно невозмутимой Агаты началось преобразование.

Землистый, мертвенно-серый оттенок кожи Владлена стал стремительно исчезать, уступая место благородному, матовому цвету дорогого каррарского мрамора. Глубокие угольные тени под глазами разгладились, словно их стерли ластиком. Сухие, потрескавшиеся губы налились здоровым, сочным багрянцем. Но удивительнее всего изменилось его тело: сутулость, вызванная годами депрессии и недоедания, ушла окончательно. Широкие плечи развернулись, старинный черный сюртук теперь сидел на нем не как на вешалке, а как на гвардейском офицере, подчеркивая узкую талию и мощный рельеф груди. Длинные черные волосы приобрели здоровый, шелковистый блеск, мягкими волнами упав на воротник.

Когда граф опустил пустой пакет, перед Агатой сидел мужчина неопишуемой, пугающей готической красоты. Его серые глаза горели ровным, глубоким и невероятно магнетическим светом. Он дышал — медленно, глубоко, и этот звук больше не напоминал шелест сухих листьев.

Владлен медленно повернул голову к Агате. Его взгляд скользнул по её строгому серому костюму, задержался на аккуратной оправе очков и остановился на бледных губах. В этом взгляде больше не было растерянности — только вековая, властная грация хищника, который наконец-то вспомнил, кто он такой.

— Агата — Его голос прозвучал так низко, бархатно и густо, что у доктора Савельева на столе задребезжал граненый стакан в подстаканнике. Граф поднялся во весь рост, легко и бесшумно, словно земное притяжение больше не имело над ним власти. Он подошел к Агате, опустился перед ней на одно колено и аккуратно, с изысканной галантностью взял её руку в свою — теперь его ладонь была горячей и сильной. — Я чувствую твою силу в своих венах. Твоя кровь она безупречна. В ней нет страха, в ней только чистая, звенящая дисциплина. Ты спасла меня. Отныне моя жизнь, мой замок и моё бессмертие принадлежат

— Владлен Эдуардович, — интеллигентно, но твердо прервала его Агата, аккуратно высвобождая свои пальцы из его горячей ладони. — Я искренне рада, что наши инвестиции принесли столь наглядный визуальный и физический результат. Коррекция вашего внешнего вида выполнена на высшем уровне качества. Однако я вынуждена напомнить, что передача активов в личную собственность не была предусмотрена условиями нашего соглашения. Это краткосрочный заём. Поднимитесь, пожалуйста. И, будьте любезны, не заставляйте меня амортизировать ваши романтические порывы в рабочее время.

Граф замер, его идеальные скулы слегка дрогнули от изумления. Женщины не отказывали ему, когда он был в своем истинном величии. Но Агата уже доставала из сумки влажную салфетку, чтобы протереть манжеты.

В этот романтически-производственный момент в дверь ординаторской оглушительно и требовательно постучали. Засов жалобно звякнул.

— Савельев! Отпирай давай! — раздался из коридора зычный, раскатистый бас старшей медсестры Тамары Степановны. — У нас тут проверка по пожарной безопасности из района приехала! Инспектор требует показать журналы инструктажа и огнетушители в закрытых помещениях! Живее, Савельев, не тяни резину, у меня люди стоят!

Доктор Савельев мгновенно побледнел, растеряв всю свою былую партийную выдержку. — Силы небесные Тамара. Если она зайдет и увидит здесь двухметрового Аполлона в скюртуке девятнадцатого века и пустой гемакон на столе, мне до пенсии не доработать. Живо, прыгайте за ширму! Оба!

Владлен, мгновенно сориентировавшись с чисто военной грацией, подхватил Агату под талию. Она даже не успела издать вздох возмущения, как они оказались за старой полотняной ширмой в углу ординаторской, где Савельев обычно хранил запасные халаты и мешок с картошкой. Пространство было крайне ограничено — граф прижал Агату к стене, нависнув над ней всем своим обновленным, рельефным и горячим телом. В замкнутом пространстве зашипели его синие пластиковые бахилы.

Дверь с грохотом распахнулась. В ординаторскую по-хозяйски вошла массивная Тамара Степановна, а за её спиной маячила фигура сухоощавого инспектора в форме МЧС с планшетом в руках.

За ширмой воцарилась мертвая тишина. Владлен смотрел на Агату сверху вниз, его дыхание, пахнущее теперь легким ароматом корицы и железа, касалось её щеки. Серые глаза вампира потемнели от опасной, близкой близости. Он слегка сместил ладонь, придерживая её за бедро, чтобы она случайно не задела мешок с картошкой. Агата посмотрела на его руку, затем перевела взгляд на его идеальное лицо за стеклами своих очков. Её сердце впервые за весь день сделало один лишний, совершенно внеплановый удар, нарушив строгий внутренний график 5/2.

— Так, Николай Петрович, вот тут у нас огнетушитель ОП-4, — раздался из-за ширмы зычный голос старшей медсестры. — Проверен в мае, пломба на месте. Савельев, а ты чего тут сидишь как сын? А это что на столе? Пластик какой-то?

— Это это физраствор, Тамара Степановна! Накапало вот, вытирал, — заикаясь, соврал доктор.

— Смотри мне, Савельев. Так, инспектор, пошли в процедурную, там у нас щиток

Когда шаги комиссии и грохот двери наконец затихли, Владлен не спешил отпускать Агату. Он продолжал удерживать её, вглядываясь в её лицо с затаенным торжеством хищника.

— Мы в безопасности, моя прекрасная спасительница, — тихо пропел он, приблизив свои идеальные губы к её уху. — Но, кажется, в этом тесном пространстве наши как ты говоришь, контакты вышли за рамки протокола.

— Владлен Эдуардович, — прошептала Агата, сохраняя абсолютное изящество слога, хотя её щеки вопреки логике слегка порозовели. — Ваша правая рука находится в непосредственной близости от моего кармана, где лежит служебный пропуск. Данное действие может быть расценено как попытка несанкционированного доступа к государственным тайнам. Немедленно отступите на два шага назад. И снимите, наконец, эти ужасные бахилы, их шелест оглушает мою нервную систему.

Граф тихо, бархатно рассмеялся, отстранился и легким движением сорвал синий целлофан с сапог. Преображение завершилось. Они были готовы возвращаться к балансу, но правила игры между ними изменились навсегда.

Глава 6

Глава 5. Биометрия царского режима и Михась-Ликвидатор

Центральное сызранское отделение банка встретило их прохладным кондиционированным воздухом и электронной очередью. Когда Владлен бесшумно переступил порог, в зале ожидания на мгновение воцарилась противоестественная тишина. Девушка-консультант у терминала выронила пачку талонов, а две пенсионерки у окна выдачи субсидий синхронно поправили платки. Граф, чей мраморный профиль теперь мог бы украсить монеты любой европейской державы, небрежно поправил серебряное шитьё на воротнике сюртука и посмотрел на светящееся табло.

— Агата, — негромко, бархатным баритоном произнёс он, наклоняясь к её плечу. — Этот зелёный храм безналичного расчёта вызывает у меня смутное беспокойство. Почему эти девицы в одинаковых блузках смотрят на меня так, словно я собираюсь объявить им войну от имени Австро-Венгрии?

— Они оценивают ваш потенциал как VIP-клиента, Владлен Эдуардович, — хладнокровно отозвалась Агата, плавно проходя к окну 4, где надёжно закрепился их талон. — Пожалуйста, держите себя в рамках приличий. Наша задача — актуализация ваших персональных данных. Избавьте нас от излишнего драматизма.

За стеклом операционного окна сидела бледная ведущая специалистка Марина. Увидев приблизившегося Владлена, она судорожно сглотнула и трижды промахнулась мимо клавиши «Enter».

— Д-добрый день, — заикнулась Марина, глядя на графа снизу вверх круглыми глазами. — Ч-чем могу помочь?

— Добрый день, — Агата плавно опустилась на стул и положила на пластиковую стойку старую, пожелтевшую от времени сберегательную книжку образца 1993 года и несколько архивных выписок. — У моего доверителя, гражданина Владлена Эдуардовича, заблокирован доступ к лицевому счёту, на который ежемесячно поступает фиксированная сумма в размере сорока тысяч рублей. Нам необходимо провести верификацию личности и восстановить полноценный доступ к дистанционному банковскому обслуживанию.

Марина дрожащими пальцами ввела данные в систему, вгляделась в экран и побледнела ещё сильнее. — Девушка Но тут в графе «дата рождения» системный сбой. Написано: тысяча восемьсот тридцать второй год. И паспортные данные Здесь указан паспорт гражданина СССР серии XII-EP, выданный в Сызрани в 1974 году. Система требует пройти биометрическое подтверждение лица. Пожалуйста, мужчина, посмотрите в камеру на терминале.

Владлен послушно наклонился к маленькому чёрному объективу. Терминал коротко пискнул, обработал изображение и выдал на экран крупную красную надпись: *«Ошибка распознавания. Объект квалифицирован как: Монумент архитектуры / Гипсовое изделие. Повторите попытку»*.

— Силы ада, — тихо пробормотал граф, чьи идеальные брови сошлись на переносице. — Эта коварная коробка со стеклянным глазом оскорбляет моё достоинство. Агата, позволь мне обратить её в первобытный прах.

— Владлен Эдуардович, не усугубляйте положение, — интеллигентно остановила его Агата, поправляя очки. — Повреждение имущества финансовой организации карается по закону. Марина, послушайте меня внимательно.

Агата наклонилась ближе к переговорному устройству, её голос стал академически холодным, спокойным и абсолютно неотразимым. — У вашего терминала сбиты настройки экспозиции, он не способен корректно считать высокий контраст матовой кожи моего клиента. Кроме того, согласно внутреннему регламенту вашего банка 412-П, в случае технической невозмож-

ности проведения автоматической биометрии, верификация осуществляется руководителем филиала вручную на основании тождества архивных фотокарточек. Вызывайте управляющего. В противном случае я буду вынуждена составить рекламацию в Центральный Банк о дискриминации клиентов по расовому прощуну прощшения, по фенотипическому признаку.

Через пять минут у окна стоял лично управляющий филиалом, солидный мужчина в дорогом костюме. Он долго изучал вытащенное из глубоких подвалов архива личное дело Владлена, где на пожелтевшем фото 1912 года граф был запечатлён в папахе, с царскими усами и суровым взглядом. Управляющий перевёл взгляд на стоящего перед ним безупречного готического красавца, затем на холодные, интеллигентные глаза Агаты, и, решив не связываться с сумасшедшими интеллектуалами, молча приложил свою административную карту к сканеру.

— Готово, — выдохнул управляющий, вытирая пот со лба. — Счёт разблокирован. Вот ваша новая карта Мир Премиум. До свидания. Пожалуйста.

— Благодарю за содействие, — Агата изящно забрала пластик, поднялась и плавным жестом указала Владлену на выход. — Как видите, Владлен Эдуардович, правовое поле творит чудеса. А теперь поспешим на автостанцию. Наш автобус отправляется через двадцать минут.

На автостанции «Сызрань-1» октябрьский дождь превратил перроны в сплошное серое озеро. У единственного кассового окошка выстроилась внушительная очередь из дачников с вёдрами поздних яблок. Однако стоило Агате и Владлену подойти к платформе, как очередь замерла. Женщины прекратили обсуждать урожай лука, а кассирша за стеклом забыла, как выдавать сдачу. Преображённый граф, возвышавшийся над толпой на две головы, выглядел в этих декорациях как инопланетный монарх, случайно зашедший в городской распределитель.

Но идиллия длилась недолго. Из сизого дыма чебуречной, хлюпая тяжелыми ботинками по грязи, к ним целенаправленно выдвинулась группа мужчин. Впереди шли те самые давешние коллекторы в спортивных куртках, включая золотозубого, но теперь они держались смелее. Позади них шагал массивный, приземистый человек в кожаном пальто до пят. Лицо человека напоминало чугунный уют, а из-под расстёгнутого ворота рубашки виднелась толстая золотая цепь с крестом размером с хорошую накладную. Это был Михась — главарь агентства «Вектор-М» и неофициальный хозяин привокзальной промзоны.

— Опачки, — золотозубый ткнул пальцем в сторону Агаты. — Михась, вот она, эта училка с пассатижами! И дед её Слышь, а чё с дедом? Его чё, в санатории омолодили?

Михась остановился в трёх шагах от Агаты, заложил руки в карманы кожаного пальто и тяжело, свинцово посмотрел на Владлена. Затем его взгляд переместился на Агату. Его голос прозвучал как урчание неисправного дизеля.

— Так, граждане артисты. Я не понял юмора, — Михась сплюнул на мокрый асфальт. — Моих пацанов на вокзале пугать — это вы зря придумали. Я человек конкретный, законы знаю. У меня на этого лесного коммерсанта — три расписки по микрозаймам. Сумма с процентами — три миллиона двести тысяч. Срок истёк вчера. Либо вы сейчас подписываете отчуждение вашей пилорамы под склады, либо Колян, покажи им аргумент.

Золотозубый Колян с готовностью засунул руку под куртку, извлекая тяжелый, зловеще вороненый пистолет Макарова. В очереди за яблоками кто-то тихо пискнул и присел за вёдра.

Владлен медленно сделал полшага вперед, заслоняя Агату своей широкой, обтянутой черным сукном грудью. Его серые глаза мгновенно, без остатка затопила глухая, антрацитовая тьма ночного склепа. Верхняя губа приподнялась, обнажая белоснежные, смертоносные клыки хищника. Воздух вокруг графа словно похолодел на десять градусов, а октябрьский дождь, коснувшись его плеч, превращался в мелкую ледяную крупу. Триста лет благородной ярости требовали немедленной, кровавой расплаты. Он поднял руку с длинными мраморными пальцами, готовый одним движением разорвать Михасю горло вместе с его золотой цепью.

— Назад, Владлен Эдуардович. Прошу вас, соблюдайте субординацию, — раздался за его спиной тихий, хрустально-прохладный голос Агаты.

Она плавно обошла графа, деликатно коснувшись пальцами в перчатке его напряжённого плеча. Граф крупно вздрогнул, чернота в его глазах на секунду заколебалась, возвращая серый аристократический зрачок. Клыки нехотя втянулись обратно.

Агата сделала шаг навстречу Михасю. На её интеллигентном лице не дрогнул ни один мускул. Она поправила очки на переносице и посмотрела на криминального авторитета с глубоким, искренним профессиональным сочувствием.

— Гражданин Михась, если я не ошибаюсь? — спокойно и галантно произнесла она. — Ваша неосведомлённость в вопросах финансового права выглядит удручающе. Давайте разберём вашу ситуацию с точки зрения действующего законодательства. Во-первых, продемонстрированный вашим сотрудником предмет, похожий на огнестрельное оружие, квалифицируется как статья 213 УК РФ — хулиганство с применением оружия в общественном месте. Это до семи лет лишения свободы для вашего коллеги.

Михась нахмурился, его челюсть упрямо выдвинулась вперед. — Слышь, ты мне статьи не шей, очкастая. У меня бумага есть! Долг есть долг!

— О каком долге вы говорите? — Агата изящно открыла свою брезентовую сумку, но вместо пассатижей извлекла оттуда свежую распечатку ведомости, которую успела сделать в банке. — Договоры микрозаймов, оформленные на пилораму Владлена Эдуардовича, содержат процентную ставку в размере четырёх процентов в день. Согласно Федеральному закону 353-ФЗ «О потребительском кредите», предельная переплата по таким обязательствам не может превышать полуторакратного размера суммы займа. Все ваши накрученные три миллиона — это ничтожный, юридически безграмотный воздух.

Агата сделала ещё один шаг, её серый костюм казался безупречной броней. — Более того, ваш уставной капитал агентства «Вектор-М» составляет десять тысяч рублей, а деятельность по взысканию не внесена в государственный реестр Федеральной службы судебных приставов. С точки зрения закона, вы — не коллекторы. Вы — организованное преступное сообщество, занимающееся вымогательством в особо крупном размере. Статья 163, часть 3. От семи до пятнадцати лет с конфискацией вашего кожаного пальто.

Михась опешил. Колян с пистолетом растерянно посмотрел на босса, ожидая команды, но босс молчал, судорожно переваривая услышанное. Такого напора от женщины в очках он не ожидал.

— И последнее, — Агата плавно запустила руку глубже в сумку и с тихим, металлическим предвкушением извлекла на свет свои тяжелые пассатижи с синими изолированными ручками. Она окинула взглядом золотой зуб Коляна, а затем зафиксировала взор на массивной челюсти Михася. — Поскольку вы прибыли сюда без акта сверки и пытаетесь сорвать график движения пригородного автотранспорта, я объявляю ваши требования неликвидными. Если ваш сотрудник сейчас же не уберёт этот незаконный кусок металла, я проведу полную инвентаризацию ваших золотых коронок прямо здесь, на этой платформе. Без внесения в баланс. Владлен Эдуардович, будьте любезны, зафиксируйте контрагентов.

Граф издал низкий, бархатный смешок, шагнул вперед и с легкостью грозовой тучи навис над бандитами. Чернота снова залила его глаза, а длинные пальцы легли на плечо Михася, мгновенно промяв тяжелую кожу пальто до самого сустава. Михась охнул, почувствовав, как его кости сжимаются в ледяных тисках невероятной, нечеловеческой силы.

— Пацаны Колян ствол убери, — прохрипел Михась, бледнея от страха и дикой боли в плече. — Слышь, командирша Мы поняли. Пересчитаем. По закону пересчитаем. Всё, уходим. В досудебном, так сказать, порядке

Владлен брезгливо разжал пальцы. Михась покачнулся, схватился за плечо и, не оглядываясь, быстрым шагом направился в сторону чебуречной. Бандиты позорно бежали, шлепая по лужам.

В этот момент к платформе, громко чихая мотором, подкатил старый, сгнивший еще при Хрущеве ПАЗик. Дверь со скрипом отворилась.

Агата аккуратно протерла пассатижи салфеткой, убрала их в сумку и повернулась к Владлену, который смотрел на неё уже не просто с уважением, а с абсолютным, религиозным восторгом древнего рыцаря перед своей королевой.

— Прошу в салон, Владлен Эдуардович, — галантно произнесла Агата, поправляя жакет. — Нам предстоит долгий путь назад. И учтите, на усадьбе нас ждёт разбор документов за шестнадцатый год. Не расслабляйтесь.

— С вами, Агата, — граф прижал руку к сердцу и изящно поклонился, пропуская её вперед, — я готов заполнять эти ваши ведомости до скончания времён.

Глава 7

Глава 6. Просека смерти и тактическое превосходство

Автобус ПАЗ, сгнивший еще при Хрущеве, высадил их у той же ракиты в одиннадцать часов вечера. Водитель, заметив грозный силуэт преобразившегося Владлена, даже не стал дожидаться, пока Агата заберёт сумку — захлопнул дверь и мгновенно растворился в ночной темноте, оставив после себя только едкое облако дизельного дыма.

Дождь прекратился, но ему на смену пришёл плотный, ледяной туман, который тяжёлыми клочьями полз из болот. Воздух сделался густым, сырым и окончательно замерзающим. Дорога к усадьбе, и без того разбитая, в темноте превратилась в полосу препятствий из жирного чернозёма и поваленных веток.

— Держитесь ближе ко мне, Агата, — негромко, густым бархатным баритоном произнёс граф, протягивая ей свою руку в кожаной перчатке. Теперь его ладонь была тёплой и сильной. — Этот лес помнит ещё набег кочевников, и ночью он становится излишне беспокойным.

— Благодарю вас, Владлен Эдуардович, но я способна передвигаться самостоятельно, — вежливо, но прохладно отозвалась Агата, аккуратно обходя глубокую лужу. — Мои туфли, разумеется, уже не подлежат восстановлению по статье основных средств, но балансировать на скользком грунте меня научили регулярные командировки в сельские филиалы Поволжья. Главное — берегите ноутбук, он находится в вашей зоне ответственности.

Граф, бережно прижимавший к груди брезентовую сумку, изящно улыбнулся. Под воздействием чистой донорской крови его походка стала абсолютно бесшумной — он шёл по глубокой грязи так легко, словно его сапоги едва касались земли.

Они углубились в чащу примерно на километр, когда Владлен внезапно замер. Его идеальный мраморный профиль обострился, а ноздри слегка затрепетали, втягивая сырой ночной воздух. Серые глаза графа мгновенно потемнели, уступая место глубокой антрацитовый тьме.

— В чём дело? — тихо поинтересовалась Агата, заметив, как напряглись его широкие плечи под сукном сюртука.

— Впереди чужие, — прошепел Владлен, и его голос опустился на октаву ниже, обретя пугающую металлическую жесткость. — Пахнет дешёвым бензином, кожаными куртками и страхом. Михась не смирился с потерей лица на автостанции. Они устроили засаду за поворотом у старого оврага. Их шестеро. Двое с огнестрельным оружием, остальные с металлическими прутьями.

Агата остановилась, поправила очки на переносице и глубоко вздохнула. — Какая вопиющая правовая некомпетентность. Повторное нападение, совершённое группой лиц по предварительному сговору, да ещё и в условиях ограниченной видимости — это прямая дорога к максимальным срокам заключения. Владлен Эдуардович, каковы ваши соображения по оптимизации данного инцидента?

Граф медленно повернулся к ней. В кромешной тьме леса его лицо казалось светящимся, а бледные губы приоткрылись, обнажая длинные, острые, как бритва, клыки. Насытившийся хищник больше не боялся людей. Он жаждал боя.

— Агата, — тихо, с изысканной галантностью произнёс он, передавая ей сумку с ноутбуком. — Они совершили роковую ошибку. Они пришли в мой лес. Ночью. Позвольте мне провести как вы выражаетесь, внеплановую ликвидацию этих неликвидных элементов. Обещаю, я сделаю это в строгом соответствии с традициями древнерусского военного искусства.

— Хорошо, — Агата галантно кивнула, принимая сумку. — Но у меня к вам убедительная просьба: действуйте в рамках необходимой обороны. Статья 37 УК РФ. Постарайтесь обойтись без летальных исходов. Судебные издержки и вызов следственной группы существенно нарушат наш график сдачи отчётности. Нам завтра сводить шестнадцатый год.

— Ваше желание для меня закон, — граф изящно поклонился, и в ту же секунду его силуэт буквально растворился в тумане, словно он превратился в соткавшуюся из темноты тень.

Из-за поворота дороги, где туман был особенно густым, донёсся хриплый шёпот золото-зубого Коляна: — Михась, слышь Глухо как в танке. Автобус ушёл десять минут назад. Может, эти упоротые по трассе пошли?

— Заткнись, — огрызнулся Михась, нервно переступая с ноги на ногу в грязной луже. Он сжимал в руках тяжелую железную арматуру. — Придут. Куда они денутся, тут одна дорога к их сараю. Этот бледный фраер мне сегодня чуть плечо не сломал, я его

Михась не успел договорить. Сверху, прямо со старой раскидистой ели, бесшумно, как стокилограммовая каменная глыба, рухнула тень.

Раздался глухой удар, хруст ломающихся сучьев и дикий, захлебнувшийся вопль. Владлен приземлился точно на плечи двоим бандитам, стоявшим на стрёме с обрезами. От силы удара оба вымогателя мгновенно ушли в жирную глину по самые колени и вырубались, даже не успев поднять оружие.

— А-а-а! Чертовщина! — взвизгнул Колян, вскидывая пистолет.

Но Владлена на месте уже не было. Он двигался с такой сверхчеловеческой скоростью, что человеческий глаз улавливал лишь размытые черные росчерки в тумане. Раздался резкий свист воздуха — граф, используя навыки древнего воеводы, перехватил летящую в него арматуру голыми руками, вырвал её вместе с пальцами третьего нападавшего и легким, выверенным движением отправил бандита в полет до ближайшего ствола березы. Тот глухо ойкнул и сполз по коре, затихнув.

— Стреляй, Колян! Стреляй, сука! — в панике заорал Михась, пятясь к своей черной «БМВ», припаркованной в кустах.

Колян судорожно нажал на курок. Грохнул выстрел, озарив чащу яркой вспышкой. Пуля с визгом ушла в молоко, срезав ветку. В ту же секунду перед лицом Коляна соткался Владлен. Его глаза горели чистым антрацитовым пламенем, а на идеальном мраморном лице застыла холодная, зловещая улыбка аристократа.

Граф аккуратно взял Коляна за кисть, держащую пистолет, и слегка повернул. Металл затрещал. Колян закричал на ультразвуке, его пальцы сами разжались, и пистолет упал в грязь. Владлен взял его за шиворот спортивной куртки, приподнял над землей и легким движением забросил на крышу «БМВ», где золотозубый коллектор распластался, жалобно скуля.

Остался один Михась. Криминальный авторитет Сызрани, тяжело дыша, стоял у капота своей машины. Его кожаное пальто было вымазано в грязи, а руки крупно дрожали. Двухметровый, безупречно красивый и смертельно опасный граф медленно приближался к нему, шурша точнее, теперь уже абсолютно бесшумно ступая сапогами по палой листве. Владлен поднял руку, его длинные пальцы с острыми ногтями занеслись для финального удара.

— Владлен Эдуардович, достаточно, — хрустальный, интеллигентный голос Агаты раздался из тумана.

Она плавно вышла на поляну, держа брезентовую сумку на локте. Очки её были идеально чистыми, а серая юбка ни разу не соприкоснулась с грязью. Она окинула взглядом поле боя: трое бандитов лежали без сознания в овраге, один сидел под березой, Колян стонал на крыше автомобиля, а Михась находился в состоянии глубокого шока.

— Гражданин Михась, — Агата подошла ближе, посмотрела на авторитета сверху вниз с легким, утонченным сожалением. — Издержки вашего сегодняшнего предприятия оказались колоссальными. Нападение из засады квалифицируется как покушение на убийство двух и более лиц. Плюс порча лесного фонда. Я полагаю, вы согласитесь, что ваши претензии по поводу трех миллионов рублей являются полностью аннулированными?

Михась судорожно закивал, его челюсть стучала от ледяного страха перед стоящим рядом вампиром. — Да да, начальница Всё, никаких долгов. Нету долгов. Расписки расписки в бардачке, забирайте Только не убивайте, Христа ради

— Владлен Эдуардович, будьте любезны, извлеките документы из бардачка транспортного средства, — галантно попросила Агата.

Граф одним движением вырвал переднюю дверь «БМВ» вместе с петлями, запустил руку в салон, достал пачку помятых бумаг и протянул Агате. Она быстро просмотрела их при свете фонарика, удовлетворенно кивнула и спрятала в сумку.

— Отлично. Первичный инцидент исчерпан, — Агата поправила жакет и повернулась в сторону усадьбы. — Владлен Эдуардович, время приближается к полуночи. Нам необходимо поспешить. Физическая ликвидация угрозы выполнена вами на высший балл тактического превосходства, но баланс за шестнадцатый год все еще требует вашего личного участия. Идемте.

Владлен, чьи клыки мгновенно исчезли, а глаза снова стали холодными и серыми, послушно пошел за ней, бережно придерживая её за локоть на скользких участках дороги.

— Вы потрясающая тактик, Агата, — искренне, с глубоким восхищением прошептал он. — Ваше хладнокровие восхищает меня больше, чем мужество спартанцев.

— Это не хладнокровие, Владлен Эдуардович, — спокойно ответила она, не прибавляя шагу. — Это просто понимание того, что любые незапланированные расходы времени отдаляют нас от финансового благополучия. Дисциплина — основа бытия. Быстрее, пожалуйста, туман сгущается.

Глава 8

Глава 7. Фарфор царской эпохи

Тяжёлая дубовая дверь усадьбы захлопнулась за ними, отсекая ледяной туман и сырые запахи растревоженного леса. Внутри замка царила гулкая, торжественная тишина. Владлен аккуратно задвинул кованый засов, повернулся к Агате и с безупречной, истинно дворянской грацией принял из её рук промокшее суконное пальто. Его движения теперь были настолько плавными и точными, что шёлк сорочки под сюртуком едва слышно шуршал при каждом шаге.

— Вы промокли, Агата, — негромко, густым бархатным баритоном произнёс он, вглядываясь в её лицо своими серыми глазами. В них больше не осталось голодной тьмы — только мягкое, тёплое свечение. — Позвольте мне исправить это досадное недоразумение. Пройдите в малую каминную залу, там кресла поудобнее. Я подготовлю всё необходимое.

— Благодарю вас, Владлен Эдуардович, — интеллигентно отозвалась Агата, аккуратно поправляя очки пальцами в шерстяных перчатках. — Температурный режим в коридоре действительно не соответствует нормам охраны труда. Мои когнитивные функции начинают снижаться из-за банального переохлаждения, что недопустимо при работе с отчётностью за шестнадцатый год. Я принимаю ваше предложение.

Она прошла в небольшую комнату со стенами, обшитыми потемневшим от времени дубом. Посреди залы высился массивный камин из чёрного мрамора, украшенный треснувшими барельефами. Агата деликатно присела на край глубокого кресла с полуистёршейся бархатной обивкой, поставила брезентовую сумку на колени и замерла, сохраняя безупречную, струнную осанку.

Владлен вошёл через минуту. Он двигался бесшумно, словно соткался из полумрака. Одним лёгким движением длинных мраморных пальцев он бросил в зев камина три тяжёлых дубовых полена, которые до этого безуспешно пытался разжечь сырыми спичками. Теперь ему не требовался коробок. Граф слегка приоткрыл бледные губы, сделал едва заметный выдох — и сухое дерево мгновенно занялось ровным, высоким золотистым пламенем. Комнату тут же затопило мягкое, живое тепло, а по дубовым панелям заплясали причудливые тени.

— Прошу вас, — Владлен изящно опустил на колено перед её креслом, держа в руках поднос из потемневшего серебра.

На подносе стояла крошечная, почти прозрачная чашка из тончайшего императорского фарфора с золотой каёмкой. Над ней поднимался густой, плотный пар, пахнувший не дешёвым суррогатом из привокзальных киосков, а настоящим шоколадом, тёмным деревом и далёким тропическим солнцем.

Агата деликатно сняла перчатки, аккуратно сложила их в карман жакета и приняла чашку. Её пальцы, всё ещё слегка бледные после визита в больницу, на секунду соприкоснулись с горячей ладонью графа. Владлен не убрал руку, продолжая смотреть на неё снизу вверх с тем глубоким, почти религиозным восхищением, которое не могла растопить ни одна бухгалтерская инструкция.

— Это кофе, — тихо, согревая её слух бархатным шёпотом, произнёс он. — Настоящий бразильский кофе. Мой дед привёз несколько зёрен с выставки в Париже в 1908 году. Я хранил их в герметичном свинцовом тубусе в подвале. Сегодня они пригодились. Попробуйте.

Агата сделала маленький, аккуратный глоток. Вкусовые рецепторы старшего аудитора, привыкшие к растворимому сублимату, замерли в глубоком культурном шоке. Напиток был терпким, маслянистым и невероятно согревающим.

— Владлен Эдуардович, это феноменально, — негромко произнесла она, и на её холодном, интеллигентном лице впервые за всё время появилась едва заметная, утончённая улыбка. — С точки зрения товарно-материальных ценностей, данный ресурс является уникальным

неликвидом исторического значения. Его амортизация за сто с лишним лет должна была превратить зёрна в труху, но сохранность поразительная. Запишем это как внереализационный доход усадьбы.

Граф бархатно, тихо рассмеялся, поднимаясь с колен и присаживаясь в соседнее кресло. Огонь камина отражался в его безупречных скулах, делая его пугающе, ослепительно красивым.

— Агата, вы удивительная, — он откинулся на спинку, изящно скрестив длинные ноги в начищенных сапогах. — Я триста лет наблюдал за смертными женщинами. Они искали во мне поэзию, падали в обморок от моих стихов, трепетали перед моим титулом. А вы вырвали мне гнилой клык пассатижами, заставили писать объяснительную и разогнали банду вымогателей с помощью цитат из Уголовного кодекса. Мой мир перевернулся.

— Поэзия не платит налоги, Владлен Эдуардович, — спокойно ответила Агата, делая ещё один глоток царского кофе. — А титулы не спасают от блокировки счетов. Мир устроен на жестких причинно-следственных связях и цифрах. Если баланс не сходится, преисподняя разверзнется в лице налоговой инспекции гораздо быстрее, чем от любых древних проклятий. Я лишь выполняю свои должностные обязанности.

Владлен подался вперед, его серые глаза потемнели, но теперь это была не сытая чернота хищника, а глубокая, затягивающая глубина искренней страсти. Он аккуратно потянулся рукой к её лицу. Агата не отстранилась, лишь слегка приподняла бровь под стёклами очков. Длинные, тёплые пальцы графа деликатно коснулись её щеки, поправляя выбившуюся из строгого пучка прядь волос. Его дыхание, пахнущее корицей, коснулось её губ.

Пространство между ними сократилось до критических, не предусмотренных ни одним регламентом пяти сантиметров. Атмосфера в каминной зале сделалась плотной, горячей и опасно интимной.

— Агата — пророкотал он, и его голос заставил пламя в камине вспыхнуть ярче. — Позволь мне внести в твой идеальный, сухой баланс хотя бы каплю вечной, безумной импровизации. Твоё сердце бьётся так ровно Я хочу услышать, как оно собьётся с ритма. Всего на одну секунду.

Агата замерла, удерживая чашку из императорского фарфора. Её дыхание на мгновение действительно стало чуть глубже. Внутреннему контролёру Самарской области пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы удержать оборону перед этим готическим магнетизмом.

— Владлен Эдуардович, — её голос прозвучал тихо, галантно, но с той самой леденящей хрустальной чёткостью, которая действовала на вампира сильнее любого осинового кола. — Данное сближение превышает установленные санитарные нормы личного пространства на рабочем месте. Кроме того, перерасход эмоциональных ресурсов в ночное время не заложен в смету нашего субподряда. Пожалуйста, вернитесь в исходную позицию. И застегните вторую пуговицу на вашей сорочке. Открытый торс контрагента существенно отвлекает от анализа дебиторской задолженности.

Граф замер, его идеальные губы дрогнули в безмолвном восхищении. Он медленно отстранился, послушно застегнул пуговицу шелковой рубашки и изящно поклонился, не снимая с неё своего хищного, влюблённого взгляда.

— Вы беспощадны, Агата, — прошептал он, улыбаясь. — Но это делает вас абсолютно неотразимой.

— Я просто эффективна, — Агата поставила пустую чашку на серебряный поднос, достала из сумки ноутбук и плавно открыла крышку. Матовый экран тускло осветил каминную залу. — Кофепитие окончено, физиологические показатели пришли в норму. На часах ноль часов сорок минут. Садимся за шестнадцатый год, Владлен Эдуардович. Доставайте ведомости по учёту древесины. Нам предстоит бессонная ночь.

Граф вздохнул, его плечи покорно опустились, но в глазах горело абсолютное, безграничное счастье. Древнее зло усадьбы пододвинуло стул ближе к её столу, готовое штурмовать любые вершины российской бюрократии ради одного взгляда этой удивительной женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.